

Приближался рассвет, утренняя звезда постепенно гасла. Стебли гвоздик на окне отбрасывали тонкие тени, которые ниточками ложились на амулет на груди Синхэ. Синхэ просидел неподвижно всю ночь, но совсем не чувствовал усталости. Решение отца одновременно озадачивало и злило его: хотя ему было всего двенадцать лет, он — славный маркиз Синхэ Чуншань, единственный сын премьер-министра Династии Тяньцун, герцога Лэнши Чуншань, и единственный наследник герцогского титула рода Чуншань! Однако Лэнши во что бы то ни стало пожелал отправить его в услужение к принцу Мэнлуну в качестве виночерпия!

Этот принц Мэнлун был на два месяца младше Синхэ, ростом с ним сродни, и по удивительному совпадению у обоих были рыжие волосы и янтарные глаза. Все, кому доводилось их видеть, восхищенно цокали языками: казалось, что Синхэ, несмотря на янтарные глаза принца Сюань Яо, у которого волосы были золотисто-каштановыми, был больше похож на близнеца Мэнлуна, чем сам Сюань Яо.

В ответ на приказ герцога Лэнши Синхэ попытался выразить протест и отказаться, но отец ответил ему двумя пощёчинами и порцией ударов хлыстом. Герцог никогда не умел объяснять и уговаривать: он был мастер лишь отдавать приказы да свирепствовать, но не утруждал себя разъяснением причин или обсуждением. Герцогиня Лю Сян хоть и болела душой за сына, не смела ни отговаривать мужа, ни преграждать ему путь. Когда Синхэ был совсем маленьким, она еще обнимала его и горько плакала, но по мере того, как мальчик подрастал, её слёзы иссыкали — словно для взросления ребенка требовалось поливать его материнскими слезами.

Теперь же госпожа Лю Сян постепенно ко всему остыла, и казалось, будто слезами взрастили не её ребёнка, а горький плод. Единственным ее развлечением оставалось посещение храмовых празднеств в честь богини. Если бы не принуждения герцога, она поленилась бы даже нанести визит вдовствующей императрице. Ей было абсолютно всё равно, что сын станет виночерпием. Когда же Синхэ упрямо взбунтовался, она даже удивилась и не поняла его: виночерпий — это приближённый слуга принца, которому положено и разделять с тем учёбу, и вместе упражняться в стрельбе из лука и верховой езде; хоть труд и нелёгкий, позорным его не назовёшь. Сыновья многих графов наперебой рвались в виночерпий к принцам — в конце концов, в семье лишь один ребёнок мог унаследовать титул, а в каждом графском доме подрастала целая орава младших отпрысков. Завязать знакомство с принцами значило со временем получить шанс выслужиться до настоящего чина, а не довольствоваться пустой дворянской погремушкой.

Синхэ молча смотрел, как тень от гвоздик сдвинулась с плеча к пупку. Вокруг пупка темнело множество мелких засохших точек крови, а от самого пупка до груди тянулся рубец от кнута — след случайного удара, когда Синхэ от боли попытался увернуться. Хоть Лэнши и был суров, до крайней жестокости он всё же не опускался: он лупил сына исключительно по спине и заднице. По его собственному разумению, спина отвечала за зарождение жадности и ленивый отдых, а задница возвращала праздность и падение, а потому с рождения заслуживала розог.

Синхэ вздохнул. Он давно усвоил, что любые попытки сопротивления со стороны слабых тщетны, и оставалось лишь покориться воле Лэнши. Преодолевая боль, он натянул льняной нателный камзол и надел подаренный отцом амулет. Каждый раз, касаясь амулета, Синхэ находил это невероятно ироничным. Он поднялся и выглянул во дворецкое окно: слуги сгребали опавшую за прошлогоднюю бурю листву с длинных тунтовых деревьев, а несколько красноклювых ворон рядышком уселись на крепостной стене, делая вид, будто вовсе не

собирались поживиться объедками, которые из кухни сбрасывали в водосток.

Сделав вид, будто ему всё нипочём, Синхэ распахнул дверь и, расправив плечи, гордо зашагал в боковую гостиную завтракать. Герцог Лэнши редко бывал дома, а когда возвращался, никогда не притрагивался к утренней трапезе. Проведя в резиденции ночь, он еще до рассвета уезжал во дворец — казалось, будто именно дворец был его настоящим домом. Герцогиня же обзавелась полезной привычкой читать лежа в постели, так что утренний завтрак ей неизбежно подавали прямо в спальню. В просторной боковой гостиной за бесконечно длинным обеденным столом сидел один лишь Синхэ.

Синхэ не был привередой в еде и к завтраку относился без особых затей, однако сам Лэнши, хоть и не ел дома сам, предъявлял к работе кухонь строжайшие, почти изнуряющие требования — пекари, мастера по изготовлению священных хлебцев и соусники приступали к готовке едва ли не с ночи. Каждое утро к часу змеи стол обязан был ломиться от хлеба, священных лепешек, густых супов, молока, жареного мяса и прочих яств. Сколько бы Синхэ ни съел, объем приготовленного оставался неизменным. Всё, что не доедали, никогда не раздавали слугам — остатки прямиком выкидывали в кухонный сток позади гостиной.

Но в это утро у Синхэ совсем не было аппетита.

Съев два куска хлеба, обмакнутых в грибной суп, он больше не смог запихнуть в себя ни крошки. Оба торца длинного стола пустовали, вазы на нём зияли пустотой, да и вся боковая гостиная казалась пустой. Синхэ отложил ложку, прислушиваясь к тихому потрескиванию угольков в камине. Над камином висела карта Королевства Цяньчжан, где красной краской были отмечены Золотой Город и Серебряная Столица.

Когда герцог обедал дома, он нередко подолгу завороченно смотрел на эту карту, словно в изгибах её линий плескались не горные хребты и реки, а суровые просторы родного края. Пока он замирал в задумчивости, никто не смел ни единым звуком нарушить тишину или прикоснуться к еде — все замирали вместе с ним, затаив дыхание от страха. Герцогиня покорно опускала взгляд и гладила свои огненно-рыжие волосы, а Синхэ принимался молча считать грибные ломтики и горошины в супе. Наконец, приходя в себя, отец неизменно с бесстрастным лицом тыкал пальцем в карту и с фальшивой мягкостью произносил:

— Это Золотой Город, самая богатая столица в подлунном мире, город, где ты появился на свет. Ты должен быть благородным наследным князем Синхэ Чуншань, а не этим презренным маркизом Синхэ Чуншань.

Твой дядя, мой двоюродный брат Лэнцюань Чуншань, мерзкий негодяй из Серебряной Столицы, бесстыдно отнял у нас Золотой Город. Сестра этого подлеца, Цинлю, вышла замуж за твоего глупого, как свинья, и жадного, как змея, родного дядю Шутуна Фаньюаня. Этот зверь пытался заживо закопать нас с тобой в своем заднем саду. Запомни этих троих и повторяй их имена каждый день. Засыпай с ненавистью к ним в сердце и просыпайся с жаждой мести. Твое горло всегда будет пересыхать, пока ты не напьешься вражеской крови; ты вечно будешь голоден, пока не сожрешь их плоть и кости.

В такие минуты лицо герцогини бледнело, глаза тускнели, и она вся сжималась в комок, мелко дрожа. Синхэ, поначалу пугавшийся и трепетавший, постепенно привык монотонно повторять вслед за отцом:

— Я никогда не усну спокойно, пока не положу голову врага себе под изголовье; я никогда не согреюсь, пока не облачусь в одежды из кожи моих недругов.

Бросив ложку, Синхэ неторопливо подошел к окну боковой гостиной и посмотрел наружу.

Вблизи окна, цепляясь за обрыв, густо разрослись низкие кустарники, усыпанные птичьими гнездами. В них сбились в кучу птенцы, не переставая оглашать окрестности шумным гвалтом. Эта картина пробудила в Синхэ острую тоску по Замоку Щебечущих Птиц. Замок Щебечущих Птиц был пожалован герцогу самим Императором. Звучало это величественно, но на деле владения ограничивались лишь Болотом Ядовитых Клыков и Горами Летящих Птиц. Топи кишели крокодилами и ядовитыми змеями, тая коварные трясины и топи, где почти никто не жил. В Горах Летящих Птиц ютилось всего с десяток крошечных деревушек, жители которых промышляли охотой да садоводством. Мужчины отдавали добытые в обмен на ткани материи женщинам, а сами круглый год носили короткие юбки и жилетки из звериных шкур. На вершине самой высокой горы возвышался тот самый прославленный Замок Щебечущих Птиц. Когда-то он служил охотничьей резиденцией императоров Династии Тяньцун, но свыше двухсот лет назад заброшен и пришел в запустение. Впрочем, герцог ничуть не побрезговал этим местом и вбухал немалые средства на его капитальный ремонт. Подобно особняку премьер-министра, задняя стена замка обрывалась в бездонную пропасть, склоны которой также заросли кустарником. Вот только прятались в тех кустах не красноклювые вороны, а белоголовые краснолапые ястребы. Впрочем, пищали птенцы что у ворон, что у ястребов на удивление одинаково, и разницы на слух почти не ощущалось.

Вдали за окном раскинулось туманное зеркало Северного Моря. Северное Море, именуемое также Морем Туманов, вечно клубилось густой дымкой. Казалось, солнце, луна и звезды навеки позабыли об этой водной глади. Из нависающих над обрывом окон резиденции премьер-министра были отлично видны Риф Русалок и маяк на нем. Маяк горел день и ночь напролёт. Из-за круглогодичных туманов мало какой караван решался ходить через Северное Море. Лишь в зимнюю пору Серебряного Солнца, когда в Королевстве Бихай резали скот, воды оживали от снующих туда-сюда торговых судов со всех концов света. Овечьи шерстяные пледы и мягкие ткани Королевства Бихай славились на весь мир, а тончайшее кашемировое сукно из Замка Созвездий, выпускаемое в строгом ограничении, звали звездной тканью — позволить её себе могли лишь члены королевской семьи да высшая знать. Герцог находил дневной свет маяка раздражающим мозолев для глаз и даже обращался к Вашему Величеству с петицией зажигать лампы лишь по зиме. Однако это доведение до крайности рассердило вдовствующую императрицу. Погасший было на сутки маяк зажгли вновь, и с тех пор пламя на нем не угасало ни на миг.

Синхэ засмотрелся на маяк, погрузившись в грезы, как вдруг за спиной раздался удивленный голос дворецкого Цань Хуэя:

— Господин маркиз, прошу прощения, я думал, вы уже...

— Ничего страшного, — Синхэ обернулся и кивнул ему. — Извиняться не за чем. Я уже позавтракал. Погода нынче скверная, а монах Цю Тун предупредил, что задержится с уроком.

Я подумал, что до его прихода еще есть время, и постоял здесь немного.

Пока он говорил, Синхэ заметил возле Цань Хуэя худенькую служанку. На вид ей было лет двенадцать-тринадцать — хрупкая, тощая, но высокая, с угольно-черными волосами и глубокими серыми глазами, напоминавшими пару погруженных в воду черных жемчужин. Поначалу она робко жалась за спиной дворецкого, но стоило ей услышать разговор хозяина с Цань Хуэем, как та без лишних указаний принялась за уборку посуды и приборов. Несмотря на щуплое телосложение, двигалась она ловко и скоро. Ничто не звенело и не гремело под ее пальцами: действуя аккуратно и сноровисто, она в мгновение ока собрала всю утварь и скрылась из боковой гостиной.

Заметив изучающий взгляд Синхэ, дворецкий поспешно склонился в извинении:

— Эта девчонка новенькая. Зовут Хунсин. Младшая дочь из рода Чжаолу. Некоторое время прислуживала в роду Байлу. Девка сообразительная, вот только манерам еще не обучена — даже кланяться господину толком не умеет.

Синхэ откашлялся и с улыбкой ответил:

— Не корите себя, господин Юаньфэн. Она еще ребенок, времени на науку у нее впереди вдоволь.

Произнося это, Синхэ пристально вглядывался в глаза дворецкого. Цань Хуэй слегка опустил голову, его серо-карие глаза неподвижно уставились на собственные носки сапог, не выражая ни единой эмоции.

Но Синхэ прекрасно знал, что таится у того в мыслях:

— Ты и сам еще ребенок!

От этой мысли Синхэ стало не по себе. Сухо кашлянув, он откланялся дворецкому. В коридоре за пределами гостиной царил мертвая тишина — ни души. Вся резиденция премьер-министра была выстроена из серого мрамора. Куда ни падал взгляд, повсюду простирались холодные бледно-серые плиты. На клумбах вдоль коридора пышно зеленели гвоздики, но досада заключалась в том, что цветы росли здесь уже несколько лет, выпуская лишь листву и упрямо отказываясь распускаться.

Синхэ поднял глаза на верхние этажи. Окна спальни герцогини были плотно задернуты тяжелыми бархатными гардинами, а на каждом подоконнике красовался темно-коричневый глиняный горшок с квадратным дном, где томились плети глицинии. То ли от зимних холодов, то ли от забывчивости слуг поливать цветы, все растения засохли и скукожились: соцветия облетели, стебли иссохли, оставив лишь безжизненный узор из кривых сухих палок. На окнах его собственной спальни теснились пересаженные из сада гвоздики, за все годы так и не порадовавшие хозяина ни единым бутонем — лишь чахлые, запыленные серо-зеленые стебельки, больше похожие на пучки дикой травы. На подоконнике в кабинете герцога и вовсе не было никаких украшений — голые доски, сквозь стекло которых отчетливо виднелись книжные полки и настенные росписи.

Поколебавшись, Синхэ не стал возвращаться в спальню, а напрямик направился в кабинет у гостиной. В гостиной стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом тряпок — две служанки старательно протирали пыль. Увидев Синхэ, обе испуганно замерли, прервали работу и поспешно согнулись в поклоне. Синхэ кивнул им и проследовал дальше, к дверям кабинета. Время было раннее, слуги наверняка еще не успели приготовить всё необходимое для занятий, и внутри наверняка стоял жуткий холод.

Однако, отворив дверь, Синхэ изумленно замер. Камин полыхал жаром, в лицо пахнуло обжигающей волной. Монах Цю Тун Сяньюнь стоял выпрямившись перед очагом, не отрывая глаз от пляшущих языков пламени. Лишь когда Синхэ поприветствовал его поклоном, тот опомнился. Синхэ заметил, что сегодня наставник выглядел необычно: на нем была черная литургическая сутана, красная шапочка богомольца, а плечи покрывал звездный плащ, подчеркивающий его высокий сан. Кивнув мальчику, он не стал, как обычно, указывать на место за столом, а сам шагнул навстречу.

— Я думал, вы сегодня припозднитесь... — смущенно пробормотал Синхэ. Он не любил, когда к нему подходили слишком близко, и машинально отступил на два шага назад, исподлобья бросив взгляд на пустой письменный стол. Сегодня монах не принес с собой ни учебников, ни конспектов. — Вы же говорили, что впредь...

— Да, говорил, — Цю Тун заметил его беспокойство и чуть отступил. — И тем не менее, ты явился в привычное время.

— Я не специально. — Стоило словам сорваться с губ, как Синхэ почувствовал себя глупцом. — Нет, я имею в виду... Я могу приходить пораньше. Могу повторять вчерашние уроки или заглядывать вперед. Я учусь недостаточно хорошо, отец остался недоволен. Мне стоит усерднее...

— Нет, маркиз, вы и так преуспели, — вздохнул монах. — Это я пришел раньше обычного. Я здесь, чтобы проститься с вами. Я больше не смогу вести ваши уроки.

— Почему? — Эта весть потрясла и ошеломила Синхэ. — Вы больше не хотите меня учить?

Он опустил голову, чувствуя себя раздавленным.

— Я понимаю. Мои успехи оставляют желать лучшего. Я ведь каждый раз обещал вам исправиться и стараться изо всех сил, но всё равно разочаровываю вас.

<http://bllate.org/book/21187/2145312>